С. Н. Артановский

Поэзия садов: Павловский парк

Статья посвящена соотношению русской природы и европейского паркового искусства, в том числе и русского. Большое место в статье занимает социология парка – парк и его посетитель. Автор статьи пытается выяснить, почему все внимание посетителей сосредотачивается на дворце, парку обычно выделяется мало внимания

Ключевые слова: Ч. Камерон, Леду, Тома де Томон, синтез природы и искусства, Павловский парк, Павловский дворец-музей

Sergey N. Artanovsky

Poetry of gardens: Pavlovsky Park

Article is devoted to a parity of Russian nature and the European park art, including Russian. The large place in article is devoted to the sociology of park – borrows park and its visitor. The author of article tries to find out, why the whole attention of visitors concentrates on a palace, and not enough attention is usually allocated to a park.

Keywords: Ch. Cameron, Ledoux, Thomas de Thomon, synthesis of nature and art, Pavlovsky Park, Pavlovsk Palace Museum

Начнем с того, что Павловский парк – исторический парк. Условной датой возникновения Павловска является 1777 г. – дата эта запечатлена на памятнике в честь основания Павловска, построенного по проекту Ч. Камерона.

...Я приехал в Ленинград в 1953 г., чтобы окончить Университет. Вскоре после моего приезда друзья привезли меня в Павловск. Помню, сосны, ели, дубы, стоявшие темными стенами по бокам широких аллей, произвели на меня большое впечатление.

Вокруг меня был лес, и только дорожки указывали на присутствие цивилизации. Друзья показали на два-три белых строения с классическими колоннами и сказали: «Это храм Дружбы. А это Холодная Мыльня». Дворец тогда еще не был полностью отреставрирован. От вокзала пробежали по аллеям, затем вернулись назад, все время шли по каким-то непонятным лабиринтам. Эти визиты я повторял несколько раз, но ландшафт оставался столь же загадочным. Только одно было очевидно: мощь древесных стволов, свежий воздух и, как-то некстати, — белые павильоны.

Потом я долго не был в Павловске. В середине 1990-х гг. я прочел в газете, что Павловский дворец отмечает какой-то юбилей своего открытия после реставрации. Значит, пора осмотреть дворец. Осмотрел, вышел на Парадное поле – и вдруг подумал, что надо бы осмотреть и парк. Но как это сделать? с чего начать? чем кончить? И тут мне стало ясно, что парка я совершенно не знаю. Я нашел у себя на полке «Павловск» В. Курбатова, который давным-давно купил, потому

что это была старинная и редкая книга. Сунул его в карман и стал ездить в Павловск день за днем. Вскоре я уже имел представление о парке как целом. Белоколонные павильоны обрели для меня свое лицо, воздух стал как бы прозрачнее, темные массивы деревьев посветлели. Я понял и полюбил Павловск.

К сожалению, большинство посетителей дворца ведет себя другим образом. Если для меня ознакомление с дворцом стало стимулом изучения парка, большинство посетителей, осмотрев дворец, считают свою культурную миссию законченной. Для меня дворец явился центром, от которого идут концентрические круги, которые вместе с дворцом составляют единое целое. И, значит, осмотр будет закончен тогда, когда все пространство, окружающее дворец-центр, будет освоено наблюдателем. Большинство посетителей рассматривает дворец как нечто в себе и для себя, за пределами этой монады находится лишь нечто второстепенное. Центр всегда интереснее периферии. Есть и другое, может быть, даже более важное обстоятельство. Дворец есть символ власти. Осмотр его есть некое приобщение, конечно, символическое, к этой власти. Поэтому посещение дворца престижно. К тому же дворец это экзотика, в нем посетитель видит старинные вещи, непохожие на те, с которыми он имеет дело в своем быту. Посетителя музея окружает роскошь, обладать которой было заветной, хотя и затаенной, мечтой обывателя. Дворец удовлетворяет страсть к неизведанному, к которому можно прикоснуться на время, не затратив

особых усилий и не потревожив повседневного комфорта.

Всего этого парк предоставить посетителю не может, т. е. может, но разглядеть его символические дары в состоянии только острое духовное зрение. Увидеть достоинство парка помогает его разнообразие¹. Д. С. Лихачев, в своей книге «Поэзия садов», несколько раз подчеркивает, что устроители парков всегда стремились к его разнообразию. Это верно. Они стремились насытить его бросающимися в глаза строениями, часто выдержанными в стиле прошлых эпох или иных цивилизаций (например, шинуазери)². Они прокладывали дорожки-лабиринты. Наконец, они стремились ввести в парк экзотические растения.

Что касается первых двух элементов экзотического декора, их в Павловском парке предостаточно. А вот с третьим, хотя и делались попытки освоить и его, дело обстоит неважно. К счастью для парка.

Вскоре объясним, почему я так думаю. Но сначала вспомним подводы с экзотическими деревьями, которые завозили еще в XIX в. в парк. Обширные оранжереи, декоративное богатство флоры и фауны в Собственном садике и в вольере в дореволюционные времена³. От всего этого сохранилось мало. Увяли розы в розарии Павильона роз, замолкло пение птиц в вольере, в Собственном садике высаживают цветы, которые принято сажать на вокзальных клумбах. Эти небольшие анклавы не помешали бы стилевой строгости парка. Но когда в начале XX в. возникло намерение посадить в парке ливанские кедры, это вызвало обоснованный протест у В. Курбатова и других знатоков парка. «Павловский парк, – сказали они, – должен сохранить свой первозданный, только ему свойственный природный облик». И они были правы.

В городе Павловске достаточно места для любых посадок, и отчего же не посадить такое благородное дерево, как ливанский кедр. Но парк есть неповторимый естественно-стилевой организм, в котором экзоты прозвучали бы фальшивой нотой.

Павловский парк разнообразен. Но его разнообразие создано не острыми приправами, а изяществом поэтического контрапункта зеленых лужаек и стоящих купами мощных деревьев, женственными изгибами его великолепных аллей.

Конечно, в парк приезжают, в особенности в субботу и воскресенье, люди, желающие отдохнуть от шума и сутолоки большого города, подышать чистым воздухом. Приходят и жители Павловска, чаще всего пенсионеры или женщины с маленькими детьми. Посетители этого рода не рвутся во дворец, они пришли в парк ради него самого. Не всех из них можно завлечь на экскурсию, да и экскурсий сегодня маловато. Значит, надо поискать другие средства, ненавязчиво совмещая приятное с полезным, отдых с просвещением, помочь им разобраться в парковом лабиринте, выбрать такой маршрут для прогулки, который и удовлетворит их любопытство, и будет им по силам. Кинофильм о парке, хорошо и понятно нарисованный план, указатели маршрутов и многое другое могут помочь превратить простой отдых в прогулку, дающую пищу для ума.

Именно как природу, которая дает возможность человеку отвлечься от повседневности, уйти от толпы, понимала парк Анна Ахматова.

Перечитаем стихотворение А. Ахматовой. Прислушаемся к нему.

> Все мне видится Павловск холмистый, Круглый луг, неживая вода. Самый томный и самый тенистый. Мне его не забыть никогда.

Поэтесса начинает свои воспоминания о парке (ибо речь идет явно о нем) с описания природы: холмы, озеро, луг вокруг озера, всюду тень – от деревьев, естественно. Этой прекрасной природе посвящает поэтесса стихи, проникнутые сладостной ностальгией. Читаем стихотворение дальше:

Чуть в ворота чугунные въедешь Тронет тело блаженная дрожь. Не живешь – а ликуешь и бредишь Иль совсем по-иному живешь.

Ворота как символ проникновения в другой мир, райский (Д. С. Лихачев не раз отмечает: парк – как бы образ рая⁴).

Поздней осенью, свежий и колкий, Бродит ветер, безлюдию рад. В белом саване черные елки На подтаявшем снеге стоят.

Опять описания природы, и при том не солнечной, теплой, когда по аллеям идут одетые в белое отдыхающие. Нет, это суровая природа русского Севера, это природа без людей, это грустная природа романтического одиночества души. Это природа, в которой хорошо пустынику, где можно было бы поставить монашеский скит.

И исполненный жгучего бреда, Милый голос как песня звучит.

С. Н. Артановский

И на медном плече Кифареда Красногрудая птичка сидит.

В заключительном четверостишии картина Павловского парка меняется. Выражение чувств посредством описания природы сменяется прямым лирическим мотивом. Его подкрепляет уже не картина природы, а обращение к скульптуре, украшающей парк. Налицо античный образ. Но что замечательно – и тут не обходится без природы: красногрудая птичка.

Вот как в стихотворении А. Ахматовой художественно воплощена мысль о парке как синтезе природы и культуры, осуществленном посредством романтического восприятия действительности. И природа у нее – на первом плане.

Иначе обстоит дело в многочисленных монографиях и путеводителях по Павловскому парку. О природе в них сказано скороговоркой, что парк занимает площадь в 600 га, что в нем растут такие-то деревья, что склоны долины р. Славянки живописны. Далее идут подробные искусствоведческие изыскания.

Но вряд ли такой подход правомерен. Впрочем, роль природного ландшафта в общем облике парка очевидна⁵. Чем был бы парк Монрепо без его скал, Кисловодский парк – без его горного ландшафта, без Эльбруса вдалеке? Природа Павловского парка – это первое, что характеризует его. Суровая, но милая нашему сердцу природа. Русская природа. Но почему же именно русская? Ведь сосны и ели, дубы и березы, долины со склонами есть и в других странах. Что делает эту природу родной и близкой? Почему Кисловодский парк по сравнению с Павловским – экзотика?

Павловский парк – кусок леса, он не насажен, это вырубленный в определенном порядке лес (хотя и пополненный после Отечественной войны, нанесшей ему большой урон, новыми насаждениями).

Лес, как и вся природа, – материя естественная, но в сознании человека вряд ли есть что-нибудь, не затронутое нашими эмоциями, нашими практическими подходами, нашим мироощущением. Каждый человек воспринимает природу по-своему, так же и народ воспринимает и осмысляет ее в духе своих привычек, своего трудового взаимодействия с ней, своего менталитета и исторического опыта. Картина, которая складывается в национальном сознании, и есть русская или татарская, или иная этнически осмысленная природа. Русская природа в своих элементах заключает в себе мало национального. В характерных ландшафтах – уже больше. Но лишь в том своеобразном построе-

нии (гештальте), который создан и природой, и особенностями ее восприятия, подсказанными фольклором, литературой, живописью, эта природа становится национальной. Можно было бы говорить о русском лесе, если бы не было картин Шишкина, Левинтана, Поленова, сказания о Соловье-разбойнике, который прячется в дремучем лесу, если бы Пушкин не написал свое – «там лес и дол видений полны», а Л. Леонов – свой «Русский лес»?

Поэтому Павловский парк по своему природному ландшафту – русский лес и русский парк. Мы уже сказали, что парк - синтез природы и культуры. Но является ли та культура русской, в духе которой была оформлена природа долины реки Славянки? Влияние западноевропейской парковой эстетики здесь не подлежит сомнению. Но русская земля (в переносном, а отчасти, и прямом смысле слова) не осталась в стороне от исторического процесса преобразования русского леса в Павловский парк. Чтобы понять, как это произошло, остановимся на творческом вкладе Тома де Томона. Этот приезжий француз был талантливым архитектором. Но он ли придумал Мавзолей в парке, Биржу и Ростральные колонны на стрелке Васильевского острова? Обратимся к статье И. Грабаря, в которой наш знаменитый искусствовед рассказывает об архитектурных проектах, которые Французская Академия изящных искусств опубликовала в роскошных альбомах ин-фолио на рубеже XVIII и XIX вв. В них были эскизы монументальных архитектурных комплексов, принадлежавшие корифею западного классицизма Леду и другим авторам того же направления. Ни один из них не был реализован во Франции. Помешала дороговизна земли, работ, да и вообще несоответствие проектов скопидомству западной буржуазии. В полном расцвете своего материального могущества она уже увядала духом.

А вот в России некоторые из этих проектов были претворены в действительность. В частности, наша Биржа и Ростральные колонны как единый архитектурный ансамбль восходят к проектам Французской Академии. Только в России, на ее безграничных просторах они смогли стать реальностью из причудливой фантазии Леду и его коллег, великолепной панорамой – вместе с Невой и белыми ночами майского Петербурга. Соединить в единое целое русскую природу и европейский классицизм сумел гений Тома де Томона. Тома де Томон был не только отличным зодчим, но и практичным человеком. На склоне лет он вернулся на родину, увозя с собой мешок с золотом. Но эти деньги он заработал честно. Он оставил нам чудесные постройки, в их числе – Мавзолей в Павловском парке. Ка-

Поэзия садов: Павловский парк

жется, что этот гранитный массив не построен на земле, а опущен руками гигантов с неба в лесную чащу. Его пропорции безукоризненны. Он весь – воплощенная в камне вечность. Его внешний вид и внутреннее убранство передают молчание смерти, за которым наш дух, возносясь к Богу, угадывает бессмертие души.

Искусствовед скажет, что в Мавзолее в художественном синтезе слились античность, Европа и Россия. Ибо как отделить Мавзолей от окружающего его русского леса? Мы знаем, что памятник надо рассматривать в его среде. Тома де Томон, возможно, не владел современным нашему веку искусствоведческим языком, но как никто другой реализовал этот принцип в своем творении.

То что сказано о Мавзолее Тома де Томона, можно отнести и к парку в целом. Мы уже упоминали имена других иностранных зодчих, много сделал для украшения Павловского парка А. Н. Воронихин. Ему мы обязаны одним из наиболее нарядных и в то же время благороднопростых в своих безукоризненных пропорциях сооружений парка – Павильоном роз. Именно в нем состоялся прием, который Мария Федоровна устроила в честь своего сына Александра I, когда он вернулся на родину после низложения Наполеона. Скажем несколько слов о жизненном пути замечательного русского архитектора. Он происходил из крепостных графа Строганова. Его способности к рисованию были замечены рано, и благодаря этому он попал в Академию художеств учеником Чевакинского и Баженова.

Он воспитывался в Петербурге вместе с сыном графа Строганова и в его обществе путешествовал по Европе. Оказывается, что и в России сурового дворянско-крепостнического XVIII в. было возможным, чтобы из крестьянского мальчишки села Новое Усолье Пермской губернии А. Н. Воронихин вырос в европейски образованного архитектора. Воронихин близко познакомился с Англией, в те времена страной классической архитектуры и пейзажных парков. Он даже взял в жены дочь англиканского пастора⁶.

Павловский парк – это русский лес, в который искусной, хорошо чувствующей его природу рукой вписаны благородные беломраморные строки классицизма как утонченной поэзии садов. Английский пейзажный стиль, купы де-

ревьев то внутри, то по краям травяного простора, оказался созвучным безыскусственности русской природы. Ее суровость смягчил, но не уничтожил французско-итальянский лоск. Вся прелесть парковой архитектуры Павловска в удивительной гармонии архитектуры и природы.

Павловский парк является национальным достоянием России. Это уголок русской природы. Он создан на средства, которые добыты трудом и прилежанием русского народа. Они были отпущены на благоустройство парка щедрой рукой русских царей, которые не жалели денег для украшения родной земли и для обеспечения престижа нашей страны в глазах Европы. Основной замысел парка принадлежит жене императора Павла Марии Федоровне, урожденной принцессе одного из маленьких немецких княжеств. Она полюбила своего мужа и после его гибели задумала превратить лес, окружавший дворец, в парк, который явился бы памятником убиенному супругу. Еще раньше, путешествуя с мужем по Италии, она писала домой, что тоскует по своему парку и предпочитает его всем красотам живописной Италии⁷. Очевидно, для нее русская земля, и Павловск в частности, стали родными, их благоустройству она посвятила четверть века своей вдовьей жизни. Она призвала лучших мастеров из европейских столиц, они приехали и провели в России долгие годы. Они изучили особенности Павловского ландшафта и украсили парк прекрасными постройками. Они работали, осмысляя русскую природу в духе традиций, идущих из Греции и Рима.

Так возник Павловский парк, который прекрасен сегодня и будет выглядеть еще живописнее на фоне могучей и богатой разнообразными культурными сокровищами России будущего.

Примечания

- ¹ Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садовопарковых стилей: сад как текст. 3-е изд., испр. и доп. М.: Согласие: Тип. «Новости», 1998. С. 31–33.
 - ² Там же. С. 228.
 - ³ Там же. С. 32–33.
 - ⁴ Там же. С. 272.
 - ⁵ Там же. С. 213.
 - ⁶ Курбатов В. Павловск. 2-е изд. Б. г., б. м. С. 43–44.
 - ⁷ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 224.